

Семья в поиске

«...Семья эволюционирует, и поэтому прежняя форма распадается. Отношения полов ищут новой формы, и старая форма разлагается. Какая будет новая форма, нельзя знать, хотя многое намечается. Может быть большое количество людей, держащихся целомудрия; могут быть браки временными и после рождения детей прекращаться, так что оба супруга после родов детей расходятся и остаются целомудренными; могут дети быть воспитываемы обществом. Нельзя предвидеть новые формы. Но несомненно то, что старая разлагается...» [2, с. 247].

Эти слова Л.Н. Толстого интересны сами по себе, но, может быть, еще более интересны тем, когда они были сказаны, когда с определенностью отметил он то, на что и сегодня еще не у всех открылись глаза. Какая будет новая форма, нельзя знать, но возврата назад не будет. А многим хочется именно возврата назад.

БОЖЕСТВЕННЫЙ ПОРЯДОК

270 лет тому назад, в 1741 г., увидела свет книга немецкого лютеранского пастора Иоганна Петера Зюссмильха под названием «Божественный порядок в изменениях рода человеческого, подтверждаемый его рождениями, смертями и размножением» [8]. Наблюдая за изменениями населения, Зюссмильх видел в них доказательство Божественной мудрости, обеспечивающей выполнение библейской заповеди «Плодитесь и размножайтесь!». Он сформулировал шесть правил, предписываемых Божественной мудростью. Первые два из них гласят: 1) Бог заботится о равновесии

смертности и рождаемости. Божественный порядок требует населения, но не перенаселения; 2) Бог управляет смертями таким образом, что продолжительность жизни оказывается достаточной для продолжения рода [7].

Одним из главных проявлений Божественного порядка в прошлом было чрезвычайно медленное размножение населения Земли, позволявшее поддерживать равновесие между числом людей и количеством средств существования в условиях застойной аграрной экономики. К концу XVIII в. – века Зюссмильха – население планеты не достигло еще 1 млрд человек – таков был итог размножения людей на Земле за несколько десятков тысячелетий. Это означает, что каждое следующее поколение по численности почти не отличалось от предыдущего, т.е. на смену каждой «средней» родительской паре приходило чуть-чуть больше, чем два ребенка, да и то далеко не всегда, потому что были периоды сокращения численности населения или стагнации. Например, по имеющимся оценкам, население Европы в начале первого тысячелетия нашей эры (без территории бывшего СССР) насчитывало 31 млн человек, в 500 г. – 30 млн, в 1000 г. – 30 млн. (по другой оценке – для Европы до Урала – в начале нашей эры – 31 млн, в 1000 г. – 36 млн) [3, с. 33]. Иными словами, население Европы тысячу лет почти не росло.

МИФ МНОГОДЕТНОСТИ

Медленный рост населения, иногда чередующийся с его сокращением, говорит о массовой малодетности супружеских пар, что, конечно, противоречит ни на чем не основанному мифу о многодетности традиционной семьи. Существует глубоко укоренившееся, но не

А.Г. Вишневский,
директор
Института
демографии
НИУ ВШЭ,
действительный
член
РАЕН, доктор
экономических
наук

имеющее ничего общего с действительностью убеждение, что в прошлом у всех народов, в том числе и в России, преобладали или, во всяком случае, были широко распространены многодетные родители. Это убеждение – результат подмены понятий, когда число детей отождествляется с числом рождений без учета смертности. Но смертность вносила очень большие коррективы в фактическое число детей. «Коль много есть столь несчастливых родителей, кои до 10 и 15 детей родили, а в живых ни единого не осталось?» – писал М.В. Ломоносов [1, с. 391], современник Зюссмильха.

Конечно, бывали и многодетные семьи, у того же Зюссмильха родилось 10 детей, из которых выжило 9. Но он-то сам считал это благословением Божиим, которое достается далеко не всем. «Можно считать правилом, – писал он, – что половина всех родившихся не достигают четырех лет, а двое из трех не доживают до 11-летнего возраста, или что только треть всех родившихся живет больше 10 лет <...> Бог, и в этом тоже, дает нам понять, что он Бог незримый, но справедливый и мудрый, который в большинстве семей, как кажется, по крайней мере, когда речь идет о смерти детей, отступает от этого правила, что не мешает ему, когда речь идет о целом, применять его с мудростью... Опыт говорит нам, что есть немало родителей, кои сохраняют в живых всех своих детей, что из десяти или большего их числа нередко умирают лишь немногие. Но зато у других родителей погибают все дети, и родители остаются ни с чем» [9, § 71].

Божественный порядок, как его понимал Зюссмильх, и приводил к тому, что на статистическом уровне и в Европе, и в России многодетность, как и сейчас, была относительно редким исключением, среднее же число детей в семье если и отличалось от того, какое наблюдается сейчас в европейских странах, то ненамного. Этот вопрос изучался историками-демографами во многих странах, полученные результаты не оставляют места для разночтений.

ПАДЕНИЕ СМЕРТНОСТИ И КОНЕЦ «БОЖЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА»

Парадокс истории заключается в том, что трактат Зюссмильха появился тогда, когда описанный им тысячелетний

«Божественный порядок» доживал свои последние дни. Стремительно надвигались события, которые резко нарушили сложившуюся систему равновесий и потребовали установление иного равновесного порядка. Наступала новая эпоха, которая требовала новых правил игры, новой культурной регламентации, новых традиций.

Центральную роль сыграло резкое снижение смертности. Высокая смертность была частью «Божественного порядка», одним из краеугольных камней, на которых выстраивалось все здание традиционных культурных норм, религиозных и нравственных предписаний, регулировавших демографическое поведение людей. В частности, она диктовала повсеместное конвергентное развитие тех принципов социальной жизни, которые затрагивали производство и выхаживание потомства и обеспечивали непрерывность поколений. При всем многообразии культурных форм и норм в этой области все они покоились на общем основании. В организации семейной жизни, матримониальных правилах, семейных ролях мужчины и женщины и т.п. могли быть немалые различия, но некоторые базовые нормы, принятые во всех крупных культурно-религиозных системах, были одинаковыми. Брак должен был быть почти всеобщим и пожизненным, в женщине видели, в первую очередь, продолжательницу рода, большое число детей рассматривалось как благословение Божье, всякое вмешательство в процесс прокреации осуждалось и т.д. Если бы все эти нормы не охранялись культурой и не соблюдались, в условиях высокой смертности человечество вымерло бы.

Стремительное снижение смертности привело к тому, что многие из этих норм утратили смысл, начались их эрозия, поиск новых форм организации частной жизни людей и их культурной оболочки, больше соответствующих новым историческим условиям.

СНИЖЕНИЕ РОЖДАЕМОСТИ

Первым принципиальным изменением стало снижение рождаемости, еще в XIX в. казавшееся странной особенностью Франции, в начале XX в. охватившее все страны западной культуры, а позднее распространившееся на весь мир. Будучи

реакцией на всеобщее снижение смертности, снижение рождаемости особенно ясно демонстрирует универсальный характер происходящих перемен.

Традиционная высокая рождаемость была столь же неотъемлемой частью «Божественного порядка», как и высокая смертность, которая, собственно, и задавала главные правила семейной жизни. Производство потомства было одним из важнейших приоритетов «семейного труда», задачей брака, решавшейся только после многих лет совместной жизни, потому что смерть постоянно сводила на нет усилия по рождению и воспитанию детей. Традиционные условия жизни не оставляли места для свободы прокреативного выбора, попытки тем или иным способом намеренно ограничить число рождений всегда были маргинальными формами поведения, морально предосудительными, а часто и сурово каравшимися законом.

Изменение «Божественного порядка» в одном звене – исчезновение высокой смертности – необратимо нарушает сложившееся равновесие и влечет за собой цепочку других изменений, без которых восстановление равновесия невозможно. Сохранение традиционно высокой рождаемости при резко снизившейся смертности не просто не нужно, оно становится опасным, порождая массовую многодетность и стремительный рост населения, что вступает в противоречие с экономическими и прочими возможностями отдельных семей, целых государств, в конечном счете, всего человечества.

В европейских странах эту опасность почувствовала, прежде всего, семья. Постепенно нараставшее и резко ускорившееся с конца XVIII в. снижение смертности при сохранении высокой рождаемости превращало многодетность из редкого и исключительного феномена во все более массовое явление. В результате возникало множество непривычных проблем – дробление наследств, недостаток земельных наделов, невозможность прокормить семью и т.п., – что и заставляло семьи искать путей возврата к прежнему равновесию, т.е. к прежней многодетности. Поначалу это осознали семьи, принадлежавшие к верхним слоям европейского общества – аристократии и буржуазии. Историки установили, что уже во второй половине XVII в. число рождений

в семьях европейской аристократии заметно сокращается за счет того, что женщины прекращают рожать детей во все более молодом возрасте: средний возраст при рождении последнего ребенка опускается до 31,2 года, а во второй половине XVIII в. – до 25,1 года [6]. А в семьях женевакской буржуазии сдвиг произошел позднее, однако уже в первой половине XVIII в. средний возраст при рождении последнего ребенка и у них опустился до 31,5 года, а число рождений снизилось с 5,9 в конце XVII в. до 3,5 (первая половина XVIII в.) [4, с. 178]. Но постепенно озабоченность непосильной многодетностью распространилась на крестьянское и городское население. Не случайно основателем неомальтузианского движения, имевшего целью снижение рождаемости в браке, стал Фрэнсис Плэйс, английский рабочий активист, отец 15 детей.

К концу XIX в. опасения многодетности докатились и до России. Вот размышления на эту тему Долли Облонской – персонажа «Анны Карениной» Л. Толстого. «И все это зачем? Что ж будет из всего этого? То, что я, не имея ни минуты покоя, то беременная, то кормящая, вечно сердитая, ворчливая, сама измученная и других мучающая, противная мужу, проживу свою жизнь и вырастут несчастные, дурно воспитанные и нищие дети... Так что и вывести-то детей я не могу сама, а разве с помощью других,

Сохранение традиционно высокой рождаемости при резко снизившейся смертности не просто не нужно, оно становится опасным, порождая массовую многодетность и стремительный рост населения, что вступает в противоречие с экономическими и прочими возможностями отдельных семей, целых государств, в конечном счете, всего человечества.

с унижением. Ну, да если предположим самое счастливое: дети не будут больше умирать, и я кое-как воспитаю их. В самом лучшем случае они только не будут негодяи. Вот все, чего я могу желать. Из-за всего этого сколько мучений, трудов... Загублена вся жизнь!» При этом Долли еще не приемлет никаких методов ограничения числа рождений, и у нее на лице появляется «выражение гадливости», когда Анна Каренина передает ей слова

врача о том, как это можно сделать. «Открытие это, вдруг объяснившее для нее все те непонятные для нее прежде семьи, в которых было только по одному и по два ребенка, вызвало в ней столько мыслей, соображений и противоречивых чувств, что она ничего не умела сказать и только широко раскрытыми глазами удивленно смотрела на Анну. Это было то самое, о чем она мечтала еще нынче дорогой, но теперь, узнав, что это возможно, она ужаснулась».

Вопросы, которые ставила перед собой Долли Облонская, давно задавали себе в более или менее явном виде миллионы европейских семей, вынужденных искать ответы на новую ситуацию, вызванную снижением смертности и выживанием в каждой семье все большего числа детей. И все эти ответы сводились, в конечном счете, к одному: к намеренному ограничению числа детей, известному и прежде, но только как маргинальная, культурно неприемлемая или количественно ограниченная (монашеский целибат) практика.

Снижение рождаемости, будучи количественным ответом на снижение смертности, способом восстановления нарушенного тысячелетнего равновесия, потребовало огромных культурных инноваций.

Теперь же проблема ограничения деторождения становится перед всеми, и какими бы способами ни достигалась эта цель – откладыванием браков или пожизненным безбрачием, детоубийством, искусственным абортom, применением противозачаточных средств, – все эти способы вступают в противоречие с традиционными установками на высокую рождаемость. В новых условиях все попытки сохранить прежние традиционные культурные нормы прокреативного поведения оказываются несостоятельными, и эти нормы быстро отмирают.

ПРОБЛЕМА ПРОКРЕАТИВНОГО ВЫБОРА

В европейских странах – пионерах поиска нового демографического равновесия – этот поиск велся стихийно, опробовались различные способы его достижения, но в любом случае они ставили под сомнение главную традицион-

ную норму – культурный запрет на свободу прокреативного выбора, т.е. на регулирование родителями числа и сроков рождения детей. Со снижением смертности сохранение этого запрета не просто утрачивает смысл, оно вступает в непреодолимое противоречие с требованиями времени. Этот запрет подвергается постепенной эрозии и, в конце концов, совершенно исчезает. Теперь за каждым человеком и за каждой супружеской парой признается право самим решать, иметь ли им детей и сколько, выбирать сроки появления детей на свет. На первый план выходит вопрос о способах реализации таких решений, который, в конечном счете, решается в пользу так называемого планирования семьи с помощью противозачаточных средств. Всеобщий запрет на намеренное предотвращение зачатия сменяется его всеобщим распространением, которое становится культурно приемлемым и даже рекомендуемым, хотя долгое время параллельно используются и другие, более архаичные методы регулирования численности потомства.

Снижение рождаемости, будучи количественным ответом на снижение смертности, способом восстановления нарушенного тысячелетнего равновесия, потребовало огромных культурных инноваций. К их числу относится, конечно, описанный только что переход к планированию семьи, внедрение контрацепции, в том числе и ее современных методов, в повседневную практику большинства семей. В последнее время все больше внимания привлекают так называемые вспомогательные репродуктивные технологии (ВРТ), также оказывающие влияние на прокреативное поведение женщин и супружеских пар. Однако за этими инновациями, которые все же могут казаться чисто «технологическими», стоят более глубокие сдвиги: *исчезновение закреплённой всеми предшествовавшими крупными культурно-нормативными системами слитности сексуального, матримониального и прокреативного поведения, автономизация каждого из них.*

Эти сдвиги – часть цепной реакции, запущенной снижением смертности, они неизбежны. Но, коль скоро они происходят, они ставят под вопрос всю охранявшуюся тысячелетней традицией культурно-нормативную регламентацию в сфере семейной жизни, ибо вле-

кут за собой многообразные изменения, затрагивающие отношения полов, формы брака и семьи, внутрисемейные отношения, половую и семейную мораль, положение женщины и ребенка в семье и обществе и многое другое.

Культурно-нормативная регламентация поведения человека в этой исторически совершенно новой ситуации еще только должна сложиться. Сейчас сотни миллионов людей находятся в поиске форм организации своей личной жизни, адекватных новым условиям, статистика фиксирует многие, хотя, вероятно, далеко не все проявления этого коллективного поиска.

НЕИЗБЕЖНОСТЬ ПЕРЕМЕН

Все эти проявления были бы невозможны, если бы сохранялась традиционная высокая смертность и женщина, супружеская пара должны были бы по-прежнему всю жизнь заботиться о воспроизводстве потомства, чтобы хоть кто-то из рожденных ими детей мог уцелеть и продолжить род. Но перемены стали неизбежными, когда, в интересах поддержания прежнего равновесия в условиях низкой смертности, прокреативное поведение должно было обособиться от сексуального, и рождение ребенка перестало быть неконтролируемым последствием полового акта. Если бы этого не произошло, ничем не ограничиваемая рождаемость привела бы к такому стремительному умножению человечества, на фоне которого даже нынешний демографический взрыв в развивающихся странах, теперь уже более или менее близкий к завершению, показался бы детской забавой. Последствия были бы катастрофическими и, в конечном счете, обернулись бы небывалым подъемом смертности, который, в лучшем случае, вполне традиционным способом, с помощью четырех всадников Апокалипсиса, вернул бы человечество к прежнему равновесию, а в худшем – вообще положил бы предел существованию человеческой цивилизации.

Поиск ведется во всех направлениях, опробуются самые разные варианты адаптации к новым демографическим и социальным реалиям. В странах европейской культуры статистика и исследования повсеместно фиксируют все более частое и раннее добрачное начало

половых отношений, более раннее отделение детей от родительской семьи, более позднее вступление в брак или устойчивое партнерство, более позднее рождение первого ребенка, убывающее число зарегистрированных браков и рост числа свободных союзов и других нестандартных форм совместной жизни, ослабление прочности брака и увеличение числа разводов, неполных семей, огромную долю детей, рожденных вне зарегистрированного брака, растущее число детей, которые как бы принадлежат сразу нескольким семьям, потому что развод родителей и их вступление в новые браки уже не считаются катастрофой и дети сохраняют связь с обоими родителями, отделение биологического родительства от социального и размывание понятия родительства. Все более либеральными становятся семейные нравы, все более гибкой – семейная мораль, за эмансипацией женщины идет своеобразная эмансипация от семьи детей и пожилых, все больше ослабевает межпоколенческая семейная солидарность, уступая место социальной солидарности.

Все более либеральными становятся семейные нравы, все более гибкой – семейная мораль, за эмансипацией женщины идет своеобразная эмансипация от семьи детей и пожилых, все больше ослабевает межпоколенческая семейная солидарность, уступая место социальной солидарности.

ВТОРОЙ ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ПЕРЕХОД

Изменения постепенно накапливаются и в постиндустриальных обществах зашли уже так далеко, что дали основание говорить о совокупности этих изменений как об особом, «втором» демографическом переходе [10]. Существует множество попыток понять детерминанты этого перехода исходя из экономических, социальных или культурных соображений, связать его с падением нравов, секуляризацией и ослаблением влияния религии, изменением экономической полезности детей, ростом индивидуализма, стремлением людей к самореализации, распространением «постматериалистических ценностей» и т.д. По сути, все эти попытки сводятся к тому, чтобы

объяснить, почему теперь люди траассируют свои индивидуальные жизненные траектории не так, как прежде. Но в общих чертах ответ и так ясен: потому что отпали прежние жесткие социальные (едва ли не в наибольшей степени обусловленные демографическими соображениями) требования к таким траекториям.

Демографические изменения *первичны* по отношению ко многим экономическим и культурным переменам, а не вытекают из них. Рождаемость снизилась не потому, что женщины стали учиться, работать за зарплату, стремиться к самореализации, использовать современные противозачаточные средства и отказываться связать свою жизнь навеки с непроверенным партнером. Напротив, все это стало возможным благодаря тому, что отпала прежняя необходимость в непрерывном рождении детей, огромная доля которых не выживала. Исполнение «демографического долга» теперь требует от человека затраты гораздо меньшего времени и сил, резко расширилась область индивидуальной свободы, не ограниченной объективными демографическими требованиями, и перед каждым открылись возможности выбора индивидуального жизненного пути, каких не существовало никогда прежде.

Рождаемость снизилась не потому, что женщины стали учиться, работать за зарплату, стремиться к самореализации, использовать современные противозачаточные средства и отказываться связать свою жизнь навеки с непроверенным партнером. Напротив, все это стало возможным благодаря тому, что отпала прежняя необходимость в непрерывном рождении детей, огромная доля которых не выживала.

ПЛЮРАЛИЗМ ЖИЗНЕННЫХ ПУТЕЙ И КОНФЛИКТ ВНУТРИ КУЛЬТУРЫ

Отношение общества к этим поискам далеко не однозначно, ибо и здесь возникает обычный в подобных случаях конфликт внутри культуры (вначале европейской, а затем и всей мировой). С одной стороны, отстаиваются «традиционные семейные ценности», с другой – в процессе адаптационных изменений, учитывающих новые де-

мографические реалии, формируются новые стереотипы массового поведения и появляются новые совсем не традиционные культурные парадигмы, допускающие гораздо более богатое, чем прежде, разнообразие культурно санкционированных индивидуальных вариантов жизненного пути человека, организации семейной жизни, отношения полов, воспитания детей.

В общественных дебатах, как всегда, громко звучат голоса разного рода ортодоксальных консерваторов, которые твердо знают «как надо»: никаких перемен, все должно быть так, как было всегда! Противоположную позицию занимают утопические «футурологи», готовые отказаться от всего, что верно служило человечеству на протяжении его истории (хорошая иллюстрация этой позиции – футурологическая идея превращения материнства в особую профессию, с тем чтобы женщины, не входящие в число профессиональных матерей, могли оставаться бездетными). Однако все эти голоса оказываются слишком слабыми на фоне тектонических сдвигов, которые демонстрирует массовая практика сотен миллионов, а то и миллиардов людей на протяжении вот уже нескольких поколений.

Не имея реальной возможности остановить ускоряющиеся и, видимо, неизбежные перемены, государство на уровне законодательства и правоприменительной практики, церковь, общественное мнение везде вынуждены реагировать на новую, не вполне ясную ситуацию и как-то приспособляться к ней, порой игнорируя прочно укоренившиеся культурные табу.

В качестве крайнего примера такой реакции можно привести легализацию начиная с 1989 г. в ряде европейских (Дания, Норвегия, Швеция, Исландия, Нидерланды, Бельгия, Франция, Германия, Финляндия, Люксембург, Великобритания, Испания, Швейцария, Чехия, Словения, Венгрия, Хорватия, Австрия) и неевропейских (Канада, ЮАР, Израиль, Новая Зеландия и Австралия) стран однополых сожительства. В некоторых странах такие сожительства, хотя они и вводятся в рамки закона, не приравниваются к браку. Так, согласно принятому во Франции в 1999 г. закону о Гражданском пакте солидарности (Pacte Civil de

Solidarité, PACS), этот пакт представляет собой «контракт, заключенный между двумя совершеннолетними физическими лицами разного или одного пола с целью организации совместной жизни» [5], но попытка зарегистрировать однополые сожительство как брак была отклонена французским судом. Есть, однако, страны, в которых однополые сожительства могут быть зарегистрированы как брак (Нидерланды, Бельгия, Испания, Канада, ЮАР, Норвегия, Швеция, Португалия, Исландия, Аргентина, некоторые штаты США).

В любом случае легализация однополых союзов свидетельствует об огромных изменениях в культурных нормах. Сексуальные отношения между людьми одного пола – не новость, однако, как правило, они не получали культурной санкции, часто резко осуждались и преследовались законом. В европейской культуре нового времени отношение к ним было резко отрицательным, само упоминание о них еще сравнительно недавно было табуировано.

Признание однополых сожительств общественным мнением и даже законом противоречит традиционной европейской морали, европейским культурным установкам, и у него есть достаточно много противников. Однако, по-видимому, такое признание связано с более общими изменениями, характерными для «второго демографического перехода».

Новое законодательство отражает растущее осознание однополых сожительств как элемента более сложной, нежели традиционная, системы организации частной жизни людей, допускающей множество альтернативных вариантов и требующей более сложных и дифференцированных норм культурной регламентации. Тем не менее даже и получившие ограниченную культурную санкцию однополые сожительства остаются все же маргинальным феноменом, будущее которого не вполне ясно. Пока они не вышли за пределы «западного» мира, да и внутри него они признаны далеко не везде. Они приведены здесь в качестве примера, чтобы, обострив постановку вопроса, сделать более ясным сам вопрос: как общество, его институты, его культура могут и должны реагировать на новую ситуацию, сделавшую объ-

ективно возможными огромный рост свободы индивидуального выбора в семейной сфере и гораздо большее, чем прежде, разнообразие индивидуальных вариантов жизненного пути.

Перемены происходят быстро и не всегда однонаправленно. Скажем, еще недавно в Европе возраст вступления в первый брак снижался, а материнство молодело, как бы продолжая линию, начатую европейской аристократией в XVII в.: женщины заканчивали деторождение все раньше и раньше. Но буквально на наших глазах произошел поворот, браки становятся все более поздними, и материнство в самых разных европейских (и не только европейских) странах стареет: вместо того чтобы раньше завершать период рождения детей, его стали позже начинать. В этом «рыскании» в самых разных направлениях, несомненно, отражаются поиски новых форм организации частной жизни, индивидуального жизненного пути человека, адекватных новым демографическим и социальным реалиям.

Общество должно реагировать на новую ситуацию, сделавшую объективно возможными огромный рост свободы индивидуального выбора в семейной сфере и гораздо большее, чем прежде, разнообразие индивидуальных вариантов жизненного пути.

Российское общество участвует в этом коллективном поиске, но с некоторым запаздыванием, нередко демонстрируя резкое осуждение каких-либо «западных» инноваций, которое заканчивается, рано или поздно, их спокойным принятием. Однако путь этот – не всегда безобидный. Например, Россия оказалась в стороне от западной «контрацептивной революции» 1960-х гг., что обернулось для нас небывалым распространением искусственного аборта. Сейчас, когда число абортов в России быстро сокращается, неожиданно активизировались борцы с абортами. Но они напрочь не желают видеть опыт западных стран, где число абортов неизмеримо меньше. Настаивая на всякого рода ограничительных или запретительных мерах, они выступают против сексуального воспитания, без которо-

го невозможно повысить контрацептивную культуру, да и вообще уберечь молодых людей от всякого рода «подводных камней», которые они встретят на своем жизненном пути, совсем не таким, каким он был у их отцов и дедов. Не станем оспаривать благих намерений наших моралистов, напомним только, что путь, вымощенный благими намерениями, не всегда ведет туда, куда хотелось бы.

Семья переживает огромные перемены. Не все в них ясно. Как ни странно, но и сегодня можно повторить слова Толстого, написанные более ста лет назад: «какая будет новая форма, нельзя знать, хотя многое намечается». Тем более важно внимательно присматриваться к этим переменам, к тому, что намечается, не отвергая с порога то, чего вчера еще не было. Это не может служить единственным поводом для осуждения, гораздо важнее понять причины и поисковую природу переживаемых семьей перемен.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ломоносов М.В. О сохранении и размножении русского народа // Ломоносов М.В. Полн. собр. соч.: В 10 т. М.; Л.: АН СССР, 1952. Т. 6.
2. Толстой Л.Н. Мысли об отношениях между полами // Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: В 24 т. М.: Т-во И.Д. Сытина, 1913. Т. 18.
3. Dupâquier J. Introduction. Des origines aux prémices de la révolution démographique // Histoire des populations de l'Europe. I. Des origines aux prémices de la révolution démographique. Sous la direction de Jean-Pierre Bardet et Jacques Dupâquier. Paris: Fayard, 1997.
4. Guillaume P., Poussou J.-P. Démographie historique. Paris: Armand Colin, 1970.
5. Le Livre Premier du Code Civil. Titre XII. Ch. I. Article 515-1.
6. Lévy Cl., Henry L. Ducs et pairs sous l'ancien régime // Population. 1960. V. 5. N 15. P. 807-830.
7. Rohrbasser J.-M. L'Ordre divine: de l'arithmétique politique à la physico-théologie // Süßmilch J.P. L'Ordre divine. Paris: INED, 1998.
8. Süßmilch J.P. Die göttliche Ordnung in den Veränderungen des menschlichen Geschlechts, aus der Geburt, Tod, und Fortpflanzung desselben erwiesen: 2 Teile. Berlin, 1741.
9. Süßmilch J.P. L'Ordre divine. Paris: INED, 1998. § 71.
10. Van de Kaa D.J. Europe's second demographic transition // Population Bull. 1987, March. V. 42. N 1. P. 1-38.